МОЛОТ

ЖУРНАЛ Тульской АПП. ○○○ Март 1929 г. № 3 (28).

Вождь международного коммунистического женского движения Клара Цеткин

Очередные задачи пролетарского писателя.

Пролетарский писатель—сын своего класса, помощник партии, активный строитель социализма.

На фронте культурной революции художественная литература занимает все больший и больший участок. Вопросы художественной литературы все чаще и чаще встречаются в повестке дня партийных комитетов. Все больше и больше чувствуется нужда в хорошей книге, в хорошем пролетарском писателе.

Тяга к писательству сейчас далеко перешагнула «довоенный» уровень. Продукцией начинающих писателей запружены все редакции—от стенгазеты до большого художественно-литературного журнала Союзного значения.

Все это творчество и по содержанию и по форме очень посредственно. Но поток этот наиболее ярко характеризует рост интереса к литературе, рост творческой инициативы масс.

Недостаток культуры или даже просто грамоты—основная беда начинающего писателя от станка—с производства, а, между тем, пролетарский писатель больше, чем какой-либо иной писатель, должен быть вооружен всеми знаниями и достижениями своего класса, своей эпохи, эпохи классовой борьбы и социалистического строительства. До тех пор, пока он этими знаниями не овладеет, он не сумеет правильно понять и отобразить свой класс.

Беда усугубляется тем, что, наряду с неграмотностью, у некоторой части пролетарских писателей—это имеет место и у нас в Туле—существует довольно странное убеждение, что писатель обязан знать только художественную литературу и о художественной литературе. И ничего больше.

Вопросы общей культуры, пролетарского, материалистического мировоззрения—не дело писателя.

Это убеждение — нелепый факт. Но факт вполне реальный и легко об'яснимый. Обвинять современного начинающего писателя в скифстве можно только с учетом тех об'ективных условий, в которых он сейчас живет и работает.

Для писательской работы нужны не только наблюдения, но и отбор наблюдений. Нужно большое время на сознательное или подсознательное обдумывание, вынашивание вещи, оформление, отделку.

Для начинающего писателя последнее главное и самое трудное.

И если за это дело приходится браться после трудового дня, после выполнения всех гражданских и общественных обязанностей, то на дело самообразования, учебы и усвоения даже элементарной грамоты у писателя остается немного и времени и сил.

И трудными, тяжелыми путями пролетарский писатель к этому идет, и идет довольно быстро. Пролетарская художественная литература последнего периода тому яркий свидетель.

Качество работы членов ТАПП и по содержанию, и по форме, и по своему пафосу пока неудовлетворительно.

Отсюда—упор на учебу, на создание таких условий в ТАПП'е, чтобы ТАПП стал в первую очередь школой для писателя.

В этой школе, наряду с литературой, как основным предметом, тапповец должен усвоить и общественные дисциплины. Они должны выработать в писателе материалистическое миропонимание, дать ему основы марксистского мировоззрения.

Надо учиться. Для учебы надо изыскать средства, привлечь к работе ТАПП'а лучшие местные партийные силы, научных работников, наладить в ТАПП'е большую, серьезную учебу.

Принципы и идеология пролетарского писателя — принципы и идеология его класса, его партии. Это—азбука.

А в ТАПП'е вот, пока что—пестрый конгломерат мнений по поводу хотя бы «свободного» или «чистого» искусства и «свободного» или зависимого от класса художника, примата (перевеса) формы над содержанием и т. д. и т. п.

Над принципами, идеологией и художественной платформой ТАПП'у надо поработать.

Следующая задача ТАПП'а, это — вовлечение в ТАПП начинающих писатолей из рабочих и крестьян. ТАПП должен выявить их, включить в свои ряды и всемерно содействовать им, помогая расти и развиваться.

Всякое ремесло требует определенной учебы, большой черновой работы. Если на сапожника, на слесаря, портного или литейщика надо предварительно и долго учиться, то это так же необходимо и для работника искусства — литератора и писателя, только в удесятеренной степени.

А, между тем, многие из начинающих писателей думают, что талант, это—уже все. С такими настроениями среди начинающих писателей надо вести самую решительную борьбу.

Привлечение новых кадров в ТАПП с производства, от станка, необходимость выявления ТАПП'ом писательских сил именно на производстве диктуется наиболее ярко тематикой тульских писателей.

Не надо понимать это, как прямое задание, как директиву писать о том-то и о том-то. Из этого ничего доброго никогда не получалось даже у хороших писателей. Писать надо только о том, что хорошо художник знает, что пережил сам или близко наблюдал.

Но совершенно необходимо все же писать прежде всего об основных строителях жизни.

В данный исторический период пролетарскому писателю наиболее присуще, казалось бы, писать о рабочих, о производстве, о быте и жизни этих основных строителей социализма, их власти, их партии и их строительстве.

В произведениях же тапповцев в основном деревня. Тапповец Рудин «любит деревню, любит поля» и слишком уж остро для пролетарского писателя чувствует тяжесть, когда ему предлагают «петь о руде».

Повторяем: писать надо только о том, что писателем пережито, что художник хорошо знает, о чем у него болит его нутро, его «душа», чем переполнены его чувства, отчего они загораются.

Но бытие определяет сознание, а в том числе и «душу» художника и его чувства. И рабочая среда, станок, фабрика, завод формируют своего художника тем лучше, чем он стоит к ним ближе.

Начинающих писателей от станка надо привлечь в ТАПП, над ними надо поработать. Это дело очень трудное, но и очень нужное.

Исключительное внимание ТАПП должен уделить качественному улучшению своего журнала «Молот». Первый опыт издания в Туле самостоятельного литературно-художественного журнала оправдал себя на все 100 процентов. «Молот» завоевал себе твердый кадр в 5000 подписчиков; 60 процентов тиража идет исключительно на заводы.

Это большое достижение.

В номерах журнала очень кстати будет напомнить и о летних формах работы, о подготовке к лету. Прошлый летний сезон был «мертвым» сезоном. Работы в ТАПП'е никакой не было. В этом году надо лето использовать и для отдыха, и для учебы, и для собирания материалов, и для экскурсий и выездов в промышленные районы губернии, села и деревни.

Было бы не верно думать, что писатели сами, одни выполнят все те задачи учебы и творчества, которые стоят перед ними.

В наше время и писательское, литературное дело, эта «часть общепролетарского дела», будет успешно итти вперед тем скорее, чем большая часть всего строящего новую жизнь коллектива будет привлечена к делу воспитания и культурного роста своего пролетарского писателя.

Редакция журнала „МОЛОТ“ об'являет КОНКУРС

на лучшие РАССКАЗЫ и СТИХОТВОРЕНИЯ.

ТЕМА — труд и борьба в деле строительства социализма.

Рассказ должен иметь не более 25 тысяч печатных знаков или 500 строк — — журнала **„МОЛОТА“**. Стихотворение—не более 40 строк. — —

Лучшие три рассказа и три стихотворения будут премированы.

РАССКАЗЫ: 1-я премия—40 рублей, 2-я премия—30 руб. и 3-я премия—25 рублей.

СТИХИ: 1-я премия—40 к. за строку 2-я—30 к. и 3-я—25 к. В эту сумму входит и гонорар.

Присланные на КОНКУРС РАССКАЗЫ и СТИХИ и признанные пригодными к печати помимо премированных будут помещены в журнале „МОЛОТ“ с указанием: „из присланных на конкурс“

Последний срок присылки произведений на КОНКУРС 15 мая 1929 года.

Все произведения должны присылаться по почте или передаваться в регистратуру „КОММУНАРА“ в запечатанном виде, БЕЗ ПОДПИСИ и ВООБЩЕ БЕЗ УКАЗАНИЯ — —— АВТОРА, с пометкой: на конкурс в „МОЛОТ“. —— —

Писатели и поэты, уже печатавшиеся в „Молоте“, присылают свои произведения обязательно перепечатанными на пишущей машине — или переписанными другим лицом. —

ПОДПИСЬ и свой адрес автор присылает после 25 мая (по 1 июня) в отдельном конверте с ссылкой на свое произведение и пометкой — — на конверте „К конкурсу“. — —

Каждый ПИСАТЕЛЬ и ПОЭТ присылает не более одного произведения.

К участию в конкурсе приглашаются все писатели и поэты, независимо от того, состоят ли они в литорганизациях ТАПП или не состоят.

В состав жюри приглашены представители от отдела печати Губкома ВКП (б) и редакций тульских изданий.

Редакция „Молота“.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал.

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей.

IV год издания.

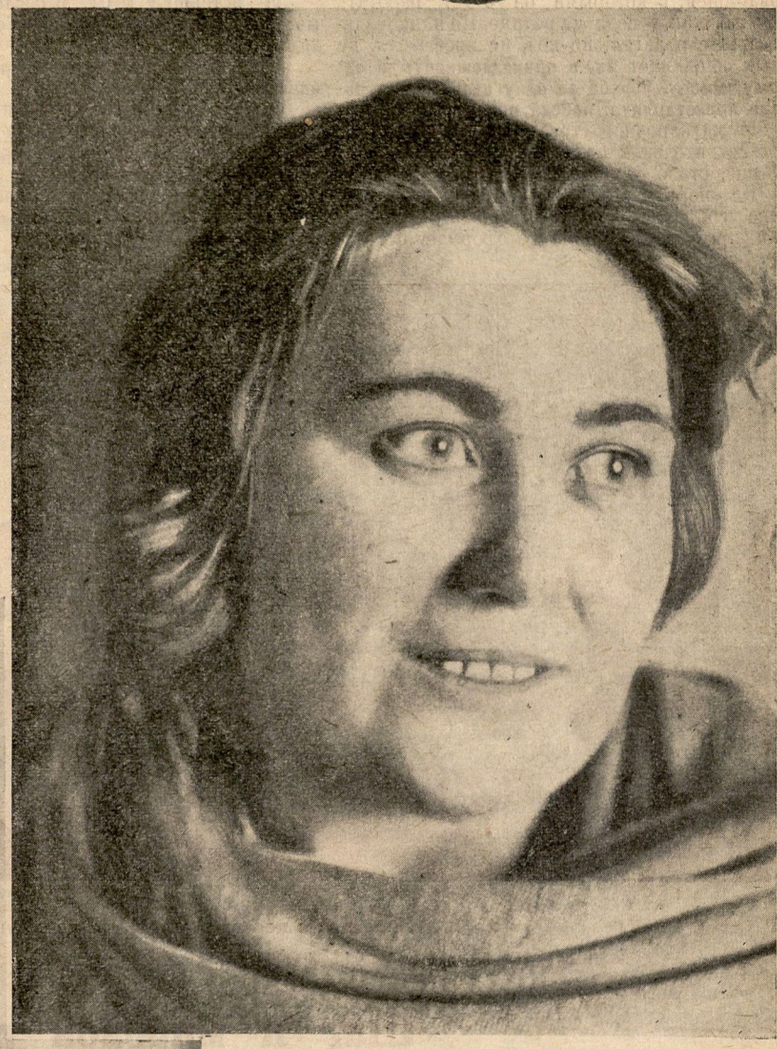
Март 1929 года.

№ 3 (28)

ДЕРЖАВНА ПУБЛІЧНА БІБЛІОТЕКА 23 • 29 ОДЕСА

Землячке.

Вспоминанья стаей нарастают,
И теперь, смотря тебе в глаза,
Я хотел, желанная, простая,
О тебе тебе же рассказать.
Вспоминаю я тебя ребенком
Среди лета, света и тепла.
Ах, какой задорною девченкой
Ты в родимой деревне была!
Но так видно устроено в свете:
Брагу горя мы выпили рано.
(Ты ведь знаешь, в деревне дети
Ценятся ниже барачов!).
Порешили без нас наши старшие,
Что дружить больше нам не сруки.
Тебя силою выдали замуж,
Ну, а я . . . я пошел в батраки.
Не житье тебе было, а каторга,
Но к кому ж тебе было итти?
Ты пошла по пути твоей матери,
По проторенному пути.
Ты молчала, стараясь покорно
Всем всегда услужить, угодить...
. . . . . .
И, казалось мне: черные вороны
На твоей тогда были груди.

Были бури, невзгоды и грозы
Надо мной и над нашей страной.
Уж не парнем, как прежде розовым,
Я с фронтов притащился домой.
На селе шел раздор из-за хлеба
(Потасовка большая была!).
Но в деревне тогда тебя не было,
Говорили, ты в город ушла.
Беднота тогда крепко цеплялась
За советский надежный гуж.
О тебе зло свекровь отзывалась,
«Потаскухой» честил тебя муж.
А потом я ушел с Красной армией —
Колесил по советской Руси.
Но в полях ли, иль в мирной казарме
Облик твой в моем сердце носил.
С каждым днем время в вечность уходит...
Горе с радостью вряд ли стаишь...
Из газет я узнал, что в заводе
Выдвиженкою ты стоишь.
Ах, землячка, милая землячка,
Как я нынче горжусь тобой.
Будут битвы, так вместе, значит,
Двинем в бой!

Алексей Медведев.

Десять лет Коминтерна.

Коминтерн об'единяет **60 коммунистических партий**. Это значит, что в 60 странах, т.-е. во всех странах мира, где есть пролетарии, существуют наши братские родные организации.

Английский коммунист в Индии, польский — в Америке, германский — в Южной Африке, русский — в Мексике найдет себе товарищей, с которыми он будет работать так же, как у себя на родине. Не национальность, не религия, не пол, не профессия, не язык об'единяет их, **а принадлежность к одному классу, борьба за одну цель, воля к победе пролетариата, победа революции.**

Международное товарищество рабочих, о действительном создании которого мечтал Маркс, стало фактом.

На первом конгрессе в 1919 году в Москве собрались несколько десятков человек. Они представляли еще не оформленные организации и коммунистические партии десятка европейских стран. Из других частей света были всего 2—3 представителя.

А на VI конгрессе в Москве с'ехались представители партий 57 стран, при чем почти половина из них—26 были из стран заокеанских. На этом конгрессе **соединились пролетарии действительно всех стран.**

За истекшие годы выросла и окрепла **молодая армия коммунизма**—Коминтерн молодежи.

Добился больших успехов **красный Интернационал профсоюзов.**

Велики достижения коммунистов по созданию **революционного крыла соглашательских профсоюзов.** Растет и крепнет работа среди **трудящихся женщин.**

Создались и укрепились боевые отряды **организации красных фронтовиков** в Германии и ряде других стран.

Идеи Коммунистического Интернационала все глубже и глубже проникают в **широчайшие массы пролетариев, всех трудящихся и угнетенных народов мира.** Под знаменем Коминтерна уже сейчас борются **многие миллионы** трудящихся во всех странах мира, великая армия пролетарских бойцов.

Вместе с мировым рабочим движением Коминтерн проходит сейчас через очень важный период. Все мы слышали о стабилизации (укреплении) капитализма. Шаткость стабилизации проявляется на наших глазах в чрезвычайном усилении классовой борьбы.

Первая волна революции после войны была отражена буржуазией с помощью социал-демократов. Сейчас, под давлением нового капиталистического наступления, рабочий класс вновь собирает силы, подымается на оборону и в последнее время сам **переходит в наступление.**

Президиум первого конгресса Коминтерна—в марте 1919 г.

Шаг к мировой революции.

(Статья Клары Цеткин).

Международный коммунистический женский день, — международный пролетарский революционный праздник,—шаг к мировой революции. Его празднуют в Советском Союзе, где он звучит радостным и повелительным призывом к дальнейшей социалистической стройке, к преодолению трудностей, возникающих на творческом пути пролетарской революции. Его празднуют также в капиталистических странах, где капитализм, хвастающий в статистических отчетах своим оздоровлением, утверждает свою временную стабилизацию на жестокой эксплотации масс.

В Германии, Англии, Польше, Италии и в других странах громадные армии работниц, служащих, учительниц остаются без работы, без хлеба, возможно даже, и без крова. Они переживают исключительно суровую зиму этого года, холода, каких Европа не знала в течение столетия. Они могут голодать или продавать себя в замужество за твердую продолжительную оплату или же заниматься проституцией за случайный заработок. Пролетарки в рационализированных предприятиях сидят крепко прикованные к длинным столам перед конвейером, как живые части бешеного механизма. Благодетель-предприниматель дает работнице-матери возможность работать до 11 час. ночи в удушливом, пропитанном пылью воздухе, в умопомрачающем гуле, в вечной спешке. За плату, которая на треть или на-половину меньше заработка мужчины, они могут влачить только самое жалкое существование. И из бедных губ рабынь раздается чуть слышно: «Надо же жить!». Из уст борцов в наш международный женский день звучит твердо, упорно и смело: «Надо бороться!»

Еще не обращены в прах останки павших в мировой войне, еще не утихла сердечная боль от жалоб больных, калек, вдов. Еще не восстановлены развалины 1914-1919 г.г., а мировой капитализм подготовляет новые бойни и пожары, громаднее и ужаснее, чем когда-либо. Империалисты всех стран, конкурирующие за мировое владычество и мировые барыши, об'единяются, несмотря на все противоречия, в лютой ненависти к Советскому Союзу, который является историческим воплощением победоносного революционного пролетариата. Международный женский день об'являет беспощадную борьбу подготовке империалистических держав к войне и призывает к активной солидарности с трудящимися Советского Союза. Финансовым владыкам Лондона, Парижа и Нью-Йорка, кровавым заправилам международного фашизма мы бросаем в день 8-го марта наш гневный клич: **«Руки прочь от Советского Союза! Война империалистической войне!**

Дыханием революционной бури, несущей разрушение буржуазному обществу и освобождение человечеству, овеян наш сегодняшний женский день. Этот праздник укрепляет единый рабочий фронт, который под руководством Коммунистического Интернационала двинется на мировой капитализм. Праздник этот—шаг к мировой революции!

НАКАНУНЕ

Из романа В. Старцева *).

В ГОРОД Энск Николай Самойлов прибыл по путевке партии. В то время по всем полицейским управлениям городов рассылались извещения о бегстве политического арестанта Ильи Сормова.

Федор Морозов был недоволен, когда Архип предложил поместить у него на квартире нового товарища.

— На кой, ты, ляд ко мне его толкаешь? Кто-то, откуда-то, приехал, а он его, пожалуйте, прямо ко мне.

— Ну, ничего, местечко найдешь, — потрепал по плечу Федора Архип

— Да я не из-за места, чудак ты!—разгорячился Морозов.— Черти б взяли это место, хоть бы вместе со мной! Место, подумаешь... Хи, хи, хи... Скажет тоже, голова... О прокламашках-то подумал?

— Ну, этот человек — наш, — спокойно возразил Архип.— Верь ему, как мне...

— Да ты понимаешь: в Москве друг был, а предал, чорт!— все больше волновался Федор.

Архип усадил его и ровным голосом продолжал:

— Надо быть больше, чем друг, дядя Федор. Человека можно полюбить, и можно разлюбить. А вот — человечество!.. Тут дело серьезное. Ты знаешь, много гибнет за это дело, в тюрьмах страдает... Ведь знаешь? Вот могу я за таких людей ручаться?

— Ах, ты!—засуетился Федор.—Да ты бы мне сразу *это* сказал .. Ну, веди!..

Федор привык к Архипу, подружился и видел в нем самого простого товарища. В новом товарище он ожидал увидеть что-то особенное, даже почему-то первое время стеснялся его; но чем дальше, тем больше его жилец становился самым обычным человеком. Николай Самойлов оказался разговорчивым, расспрашивал про жизнь в Энске и сам рассказывал про то, что видел, как бы сравнивая с тем, о чем рассказывал ему Федор. Он вдруг прерывал разговор, доставал папиросную бумагу и что-то наспех отмечал на ней. После этого переспрашивал Федора, что тот говорил, и попрежнему продолжал оживленную беседу.

Самойлов казался с виду не по летам серьезным и задумчивым.

Первые дни он был без работы и почти никогда не выпускал книги из рук. Случалось долгими часами засиживался за беседой с Федором и Архипом, книжку держал или на колене, или тихонько постукивал ею по столу, когда что-нибудь доказывал. Читал он то спокойно, изредка подчеркивая некоторые места, то беспокойно подергивался, наморщив лоб, быстро исписывая страничные поля книги.

Самойлов часто высиживал по ночам. Он исписывал, перечеркивал листы бумаги; часто курил, наполняя избу дымом; откидывался к стене и думал, беспокойно вертя карандаш в руке или постукивая незачиненным концом его по зубам. По временам он выходил из-за стола, ходил по комнате, жадно глотая табачный дым, черные глаза его блестели, волосы непослушно сползали на лоб Он нервно бросал окурок, с шумом выпускал струю дыма изо-рта, садился снова за стол и снова продолжал писать...

Когда кончал работу, довольно потягивался, вытягивая ноги под столом и расправляя руки. Неспеша закуривал, неспеша раздевался, заглядывая в окошко, через которое легким заревом выступал рассвет, улыбался раннему утру и ложился спать.

* * *

Рассвет обелил заснеженные низкие окна типографии: пробирается в глубь помещения, окрашивая предметы бледно-лиловой краской. Желтый свет лампы судорожно мерцает и кажется куском меди на солнце.

Высокий Евсей с светлыми усами, в рыжем пиджаке, неспеша обходит умолкшую после ночной работы старинную машину. Из угла в угол типографии, заложив назад руки ныряет Трофим Ефимыч. Узкий нос, маленькие зеленые глазки, жидкая бороденка, и вся его порхающая фигура в это время напоминают воробья. Он по временам подбегает к машине, вскидывает снизу вверх голову к Евсею и спрашивает, произнося в нос:

— Ну, что?

Евсей молча бросает равнодушный взгляд на хозяина и продолжает свой обход, заглядывая внутрь машины. Хозяин машет рукой, выкрикивает что-то нечленораздельное, срывается с места и продолжает порхать по типографии.

Евсей слазил под машину, отвинтил несколько гаек, постучал и вылез с обломком металлического стержня. Обломок положил на подоконник, сам сел рядом, неспеша достал кисет из кармана пиджака и стал завертывать папиросу Хозяин стоял перед ним, молча уперев в него взгляд зеленых глаз. Евсей подал ему обломок и закурил папиросу. Потом коротко, неспеша сказал:

— Вал сорван.

Хозяин снова пустился порхать по типографии, размахивая обломком в воздухе:

— Чорт! Как лошадь ворочает. Вал своротил!...

Он остановился перед Евсеем:

— Полегче-то нельзя вертеть?!

Евсей усмехнулся, слез с подоконника, взял у хозяина обломок и указал на почерневшую часть обломанного конца стержня, свидетельствующую о старом надломе, и коротко заметил:

— Выбросить пора.

— Что?!—закричал в недоумении хозяин.

— Машину, говорю, пора выбросить,—заминая сапогом окурок, промолвил Евсей.—На рыдване далеко не уедешь .

Хозяин метался по типографии, отчаянно шлепая себя по бедрам руками, стонал и причитал:

— Ну, что же это?.. Раззорят... Ей богу, раззорят... по миру пустят!..

Он сел за реалом и стал платком вытирать пот с лысой головы.

Из-под реалов вылезали рабочие,— взлохмаченные, с заспанными грязными лицами. Тут были: Ванек-москвич, Митька— племянник хозяина и Алеша с Пашкой из Одессы, — хорошие наборщики, но редко уживавшиеся на одном месте по той причине, что когда вздумают погулять, будь какая-угодно срочная работа, бросают ее и закручивают на неделю. За это их часто гонят с работы. Пропившиеся они попадают к Трофиму Ефимовичу. Он не отказывается от перелетных рабочих. Становятся они ему дешево и работают лишнее, когда хозяин не поскупится угостить. Он и племянника Митьку принял обратно, которого полгода назад прогнал и строго наказал, чтобы его нога больше не переступала порога типографии. Митька знал, что дядюшка всегда его возьмет обратно и пешком с товарищами прибыл из Одессы...

С квартир собирались рабочие. Старший мастер Лукич, ходивший в короткой тужурке, в сапогах с набором, любивший показать себя всезнающим и «по-ученому» зачесывающий волосы на своей маленькой голове, отчего походил на рыжего, журившегося на солнце, кота, легкими шагами подошел к сидевшему на подоконнике и курившему Евсею.

— Отдыхаешь?—бросил Лукич. Снял шляпу, зачесал голову, пощупал напечатанные листы и промолвил:

— Так, видно, Пушкин за тебя печатать-то будет?

Его серые глаза косили вбок и он, петушинясь, пискливым голосом кричал:

— Русским языком говорил вчера: экстренный заказ!..

Он увидел за реалом хозяина и направился к нему. Хозяин протянул ему обломок стержня и простонал:

— Раззорили... по миру пустили...

Мастер заметил:

— Не практичная машина, Трофим Ефимыч.

Разглядел со всех сторон обломок и добавил:

— Слесаря надо.

— Без тебя знаю, что не плотника!—вскипел хозяин и заметался по типографии.—Намедни, две недели слесарь тянул, а там работы, может, на час было.

---

*) В этом номере помещается начало романа. В № 11 (24) «Молота» (за ноябрь) был помещен отрывок из II главы романа.

Он на миг остановился около кучки наборщиков, рассматривающих поломку машины.

— Что не работаете!?

— Федор Морозов — старый наборщик, сухой человек, с с'еденными свинцовой пылью зубами, тихий, но добросовестный работник, которого и хозяин уважал — посоветовал Трофиму Ефимовичу:

— У меня на квартире человек живет... Без работы. Хороший слесарь, Трофим Ефимович.

Федор по привычке поддернул штаны, что делал, когда торопился, и спросил:

— Сбегать что ли?

— Опять проходимец какой-нибудь!..—закричал хозяин — Черти вас на мою голову насылают!

Пробежав по типографии, он остановился, подумал и спросил:

— Без работы, говоришь? Из далека?

— С югу.

— Так и знал. К весне птицы слетаются... Ну, что ж давай хоть его... Ах, бродяги... Замучают...

* * *

Федор Морозов, прозванный стариком, был низкорос, худ, не по летам подвижен; коричневое лицо его разрисовано мелкими морщинками, но всегда весело и оживленно; маленькие серые глаза хитро смеются. Но сам Федор человек простодушный. Часто можно слышать его заливчатый мелкий смех, всегда кончающийся таким же долгим кашлем.

Рабочие смеялись:

— Вот закашляешься, старик, и дух из тебя вон..

— Нет, я скоро смерти не поддамся,—отвечал Федор.— Мне и доктор говорит: «У тебя, Морозов, туберкулез доброка-а-ачественный»...

И Федор снова заливался мелким смешком.

В молодые годы Морозов работал в Москве, был горячим участником одной забастовки, но когда некоторые товарищи сорвали ее,—покинул Москву и поступил в типографию еще к покойному отцу нынешнего хозяина—Ефимке. Федор подыскал себе на окраине города квартирку в небольшом в три окошка домике, принадлежавшем одной вдове. Веселость Федора и его мягкий характер понравились вдове и она легко согласилась пустить его к себе.

Получив согласие, Федор снял пиджак, кепку.

Вдова в смущении спросила:

— А вещи?

— Вот,—ответил коротко Федор; воткнул типографское шило в стену и повесил на него кепи и пиджак.

— Весь тут... и заливисто рассмеялся.

Вскоре вдова подгладила, подштопала белье покойного мужа, которое и стал носить Федор.

А через год у них родился первый ребенок.

Федор—человек артельский. Любит с людьми дружбу водить; интересуется человеческим житьем-бытьем. Сам вырастал на окраине. В детстве остался сиротой и в детстве отдала его мать в типографию. По десять часов в день выстаивал Федор за кассой, отекала левая рука от непривычки держать верстатку, ноги тяжелели, словно наливались свинцом, в глазах плавали разноцветные шарики от тускло горевшей сальной свечи и от едкого свинцового воздуха стучало в висках и кружилась голова.

Привык к труду, привык к людям. Веселый с детства, он решил, что унывать не стоит. И стал привыкать к жизни. Но к этому привыкнуть оказалось не легко. Федор хоть и веселый был постоянно, но чувствовал, будто чья-то рука охватывает его грудь и постепенно сжимает, а узкие смеющиеся глаза заливает что-то водянистое, обесцвечивающее их. Замечать изменение своей жизни он стал потому, что видел, как изменяется и ломается жизнь вокруг него на окраине.

Познакомился Федор с котельщиком паровозных мастерских Архипом. Угреватый, с жесткими подстриженными под бобрик волосами и в очках, Архип был неуклюж, угловат, смотрел спокойными большими глазами, говорил с расстановкой.

Федору Архип носил книжки. Читал Федор, но как-будто знал все прочитанное раньше: жизнь буржуазии, жизнь рабочих... Вражда... *Но знать, то, что есть — мало; надо знать, как быть, что делать.* И Морозов это узнал.

— Ну что?—улыбаясь коротко спросил однажды Федора Архип, получив обратно стопку прочитанных книг Федором.

Федор сорвался с табуретки:

— Вот этого и надо, товарищ Архип! Партию! Да я тебе сразу сотню рабочих приведу!.. Хи-хи-хи...

Успокоившись от охватившего его волнения, Федор, точно вспомнив что, снова сел и уставился на Архипа. Архип с той же спокойной улыбкой наблюдал за Федором.

— Товарищ Архип,—упавшим голосом спросил Федор,— а что—свой же брат, нынче друг и товарищ, а завтра возьмет и предаст?.. Ведь вот предал меня так один... И в жизнь про него этого не мог подумать...

И Федор рассказал о неудаче организованной им забастовки в Москве.

— Не сто, а дай хоть одного человека,—положил руку на плечо Федора Архип.—Да такого, которого бы знал, как самого себя. Вот. А не будет—и тебя одного достаточно.

Федор удивился, что приносимые Архипом книжки, которые и ему, Федору, и тысячам таким, как он, открыли и открывают глаза и зовут к борьбе,—что эти книжки печатаются в подполье украдкой, такими, как он, рабочими.

При встрече с Архипом Федор заговаривал о подпольной типографии, которая так ловко работает, и вопросительно поглядывал на Архипа.

Через месяц он необычайно веселый пришел к Архипу.

— Ты мне ничего не скажешь, тов. Архип?—спросил Федор и закатисто засмеялся.

— Нет, дядя Федор, может ты мне что скажешь?— испытующе посмотрел на него Архип.

— Я то знаю, что ты мне хотел сказать,— снова рассмеялся Федор — Да я тебя опередил... Пойдем... поспешил Федор, подергивая одной рукой штаны, другой таща за руку Архипа.

Архип посмотрел на Федора, улыбнулся, набросив кепку на голову, и молча последовал за ним.

В подпольи Федора Архип увидел кассу со шрифтом и самодельный станок, состоящий из большого катка, тщательно выглаженного из большого дубового обрезка, обшитого сукном, и гладкой доски с желобками. (Это сооружение напоминало типографский станок для получения оттисков с набора).

— Как же ты!..—только и мог спросить обрадовавшийся Архип.

— Сам все сделал,— ответил Федор. — То есть шрифт-то не делал, а стащил!—радостно выкрикнул он и принялся катать каток по доске — Неспорая машина, а ежели вдвоем, — одному краску накатывать, другому печатать, — так за ночь тысчонку прокламашек смело можно откатать... Хи-хи-хи...

Федор подробно рассказал, как этот шрифт носил из типографии вместе с табаком в кисете, так что рассмеялся и спокойный Архип, крепко пожимая руки Федора.

* * *

По большой ровной улице, точно огромному коридору, разливался малиновый свет от вставшего на том краю улицы солнца. В розовом тумане утра солнце было красно и огромно, став щитом в конце улицы.

Николай Самойлов стоял у окна. Большим напильником гладил кусок стали в зубах тисков. Напильник пронзительно взвизгивал, серебристые блески стали веером брызгали по стенам. Обточенная сталь ослепительно горела на солнце.

И— или от освежающих лучей утра, или от работы, по которой долго скучали привычные к труду руки — Самойлов наливался бодрой радостью. Он себя снова чувствовал, как два года назад, когда на большом заводе в его руках куски стали превращались в нужные вещи. Казалось, и не было этих двух лет одиночного заключения, которые глубокой бороздой легли в жизни Самойлова. Но забыть их, хоть и на время, нельзя.

...Ни одного человека с тобой, кроме надзирателя, ни одного человеческого слова, если не считать одних и тех же коротких слов того же скучного, надоевшего, как ветхая вещь, надзирателя: о чае, обеде, ужине, и замечаний, что можно делать и что нельзя. В книжках, которые только позволялись читать, Самойлов искал одно — человека, кто бы он ни был. Читая о жизни человека, он, будто, разговаривал с ним, соглашался или не соглашался с этим человеком, с его поступками, суждениями. Но обвинять — не обвинял: пути человека намечает история; история идет и пробивает вслед за старыми новые пути. Надо только итти в ногу с историей и помогать ей расчищать эти новые пути.

Николай из этих добровольных книг умел извлекать полезное и в спех, под полою, записывал свои мысли на папиросной бумаге.

Он часто всматривался подолгу в железный переплет окна в город. Живого человека он и там не видел. Синеватая стрела чешуя застывших крыш домов, и город казался спящим, ли окраина дымила с ог

В детском очаге Заречья Игры детей.

ных фабричных труб, точно призывно размахивая огромными шарфами.

Самойлов думал о том, когда он снова будет на свободе и снова, как крот, вроется в работу.

Этот час неожиданно для него настал. Он получил тайно записку через одного тюремного надзирателя (не его), где сообщалось об устраиваемом для него товарищами побеге и при помощи этого надзирателя Самойлов бежал в темный вечер в то время, когда его по какому-то делу вызывали в тюремную контору. Самойлов метнулся в темноту за угол тюремного корпуса, в условленном месте на заборе нашел веревку, мигом перебросился через забор и умчал на ожидавшей его неподалеку лошади...

Типографию наполнил звонкий голос и смех прибежавшей приемной дочери хозяина — Насти.

— Здравствуйте! Ух, вот устала!.. Дядя Федор, отец домой итти велел всем: работы нету.

Настя мигом взглянула с веселой улыбкой в сторону Самойлова. Самойлов, улыбаясь, в свою очередь наблюдал за веселой девушкой. Настя быстро сбросила с себя пальто, отвела Морозова за руку от кассы.

— Постой, дай добрать, немного осталось,— упорствовал Федор.

— Я доберу, дядя Федор; ступай,— и Настя взялась за верстатку в Федоровой руке.

— Тише, не рассыпь... Хи, хи, хи..— залился смехом Федор.— Счастье ни оттуда, ни отсюда: помощник нащелся.

— Везет тебе, старик,—заметил Пашка-из Одессы.— А тут день прогуляешь, да еще пропьешь,— двойной убыток.

— Нет, дядюшка, на так нас не об'едешь! — крикнул, бросая верстатку, Митька, племянник хозяина и двоюродный брат Насти.— Наська, дома дядя?

— Был дома, а ходить не советую: сказал дома нет. И вам то же скажут, когда придете.

— Айда, ребята,— скомандовал Митька, небрежно накинув кепку на затылок.

Пашка тихо положил верстатку, обвел всех многозначительным взглядом, хихикнул про себя и, ссутулясь, направился за Митькой. Позади засеменили обрадовавшиеся, как спущенные телята, Алеша и Ванек-москвич.

Перед ними откуда-то незаметно вынырнула фигурка Лукича.

— Стой!—замахал он руками.— Куда? Пушкин за вас работать будет? Вечера не могут дождаться, дьяволы!

Он увидел за кассой Настю. Снял шляпу. Камолое лицо его просияло и он, бросив напускную серьезность, принял облик ласкающегося кота.

— Их отец отпустил,— заметила коротко Настя.

— Как, Настасья Евсеевна, живете?—расплываясь в улыбке, спрашивал Лукич.— Соскучились по работке?

— По вас соскучилась!—бросила Настя и звонко рассмеялась.

Работать Насте приходилось нередко, особенно, когда «гвардия» (так называл хозяин наборщиков) загуливала с получки и оставался невыполненным срочный заказ. Трофим Ефимович бесновался, грозился разогнать всех наборщиков, но потом, усталый от беготни по типографии, раскрасневшийся и потный, подходил к кассе и, со словами: «замучают, раззорят», принимался набирать сам. Он это делал по примеру покойного отца. Тот и дело свое начал, будучи старшим в одной типографии. Он открыл свою типографию и первое время работал в ней только своей семьей...

— Тебя отец зачем-то звал,— бросила Настя увивавшемуся около нее Лукичу.— Поскорее велел..

Лукич помял шляпу, надел ее, снова снял.

— Пойдемте провожу, Настасья Евсеевна.

— Ничего, одна дойду,—ответила Настя, не глядя на Лукича; вынимала набор из верстатки и складывала его на уголок гранки.

Лукич вышел своей петушиной походкой. Настя продолжала набирать, по временам бросая украдкой взгляд на Самойлова. Она встречалась с взглядом Николая и задорно улыбалась.

Евсей, куривший с Самойловым на верстаке, положил руку на его плечо и спросил:

— Хороша?

Не ожидая ответа, он добавил:

— Нравится, так бери. Жизнь лучше чувствовать будешь.

Настя подошла к Евсею.

— Отец, а ты что делаешь на сломанной машине?

— Новому человеку помогаю.— Он примял сапогом окурок и добавил: — Да тебя в невесты сватаю.

Настя укоризненно посмотрела на Евсея потом обратилась к Самойлову:

— Вы что, тоже из Одессы?

— Из Одессы,— улыбаясь, ответил Николай.

— И дюже пьете?

— Дюже пью,— ответил Самойлов и рассмеялся.

Настя строго посмотрела на него, помолчала, потом, как бы самой себе, сказала:

— К весне с юга едут, а к зиме опять на юг уезжают... Удивительный вы народ!

— Ну, тут, Наська, ты ошиблась,— заметил Евсей.— Наш Колька не пьет, а из Одессы он или еще откуда,— неизвестно.

И Евсей шепнул Самойлову: «В Одессе ружья не делают»...

Самойлов отшатнулся. Он должно быть проговорился когда в разговоре с Евсеем, что его специальность — делать затворы к винтовкам.

Настя поняла, что новый рабочий не из тех, за кого его считают, поняла всю глупость разговора с Самойловым и совершенно серьезно заметила:

— А я слышала, что вы, как и те..

Она не договорила, стала за кассу, по временам украдкой бросая взгляд в сторону Самойлова, но больше уже не смеялась...

Когда Настя ушла, Николаю показалось помещение типографии пустым и скучным.

Он взялся за напильник и с ловкостью стал водить им по куску стали в тисках, прислушиваясь к его резкому пению..

Он долго работал без отдыха, потом бросил напильник и вдруг спросил у разбиравшего машинные части Евсея:

— Скажи, Евсей, она ведь дочь твоя?

— Была моя,— ответил Евсей.— Тут, понимаешь, история маленькая.

Евсей сел рядом с Самойловым на верстак, закурил и поведал ему повесть своей жизни.

* * *

Жизнь Евсея — большая книга. Только сам он как бы и не видел своей жизни: забывал о прошедшем дне и не думал о завтрашнем. Больше всего он работал грузчиком на пристанях. Его высокая костистая фигура, в широкой рубахе из мешкового холста и остроконечном холщевом колпаке на голове, напоминала богатыря из сказки. Ходил он размеренно и мешковато, всегда невозмутимо спокоен, говорил коротко и смотрел ласково светлыми глазами. После получки он гулял, три дня, пил со всяким, не спрашивая, кто он, слушал молча пьяные слова собеседника, сам не пьянел, только глаза грустнели. Часто на какой-нибудь вопрос пьяного собеседника он, наливая стакан, только и говорил:

— Пей, малютка...

Всякая человеческая жизнь немудрено-маленькой ему казалась и теплой для него. Он слушал откровения человека о его жизни, но знал, что вся она — человеческая, с маленькими, похожими друг на дружку, как речная зыбь, горестями и радостями..

Когда выходили деньги, Евсей возвращался на старую работу, если там принимали его; а когда не принимали, шел своею размеренной походкой — проселками, перелесками, пристанями и городами — искать дело своим рукам. Часто Евсею давали работу там, где требовалось применение лошадиной силы.

Ефимка, а позднее Ефим Мироныч (отец нынешнего хозяина типографии), случайно нашел среди безработных Евсея, поставил его в вертеля типографской машины. Евсей был положительно кладом для Ефимки: до него машину вертели два человека, Евсей стал вертеть один.

Жил Евсей в стенах типографии. Здесь он встречался с хозяйской дочкой — Ниной Ефимовной. Нина полюбила молодого и здорового Евсея. Евсей взял ее просто,— доверчивую и радостную от любви. Ефим Миронович узнал о любви дочери к рабочему, прогнал ее из дома, когда Нина была беременна. С нею прогнал и Евсея из типографии. Евсей с Ниной поселились на квартире у Федора Морозова.

Тогда родилась у них дочь Настя. Евсей пошел работать грузчиком. Иногда удавалось ему заработать хорошо, но очень часто приходил без заработка. Жена Евсея заболела чахоткой и ему приходилось ухаживать и за ребенком, и за больной женой. Сам он питался картошкой (да и раньше никогда не заботился о своей пище), а дочери и жене приносил и готовил все необходимое.

Жена Евсея вскоре умерла. Похоронить ее помог Морозов: он упросил нового хозяина Трофима Ефимовича (Ефим Миронович умер от разрыва сердца после того, как прогнал дочь) разрешить сделать гроб для Нины в плотницкой при типографии. (Давно заведено, когда умирал кто из семей наборщиков, им бесплатно делались гробы типографской мастерской). Трофим Ефимович пожалел сестру, разрешил сделать гроб, даже сам с женой пришел на похороны и отслужил богатую панихиду. Тут же он решил взять Настю в приемные дочери. Евсей не препятствовал этому. Скоро Трофим Ефимович пригласил на работу, на его прежнее место, и самого Евсея.

(Продолжение в следующем номере). **В. Старцев.**

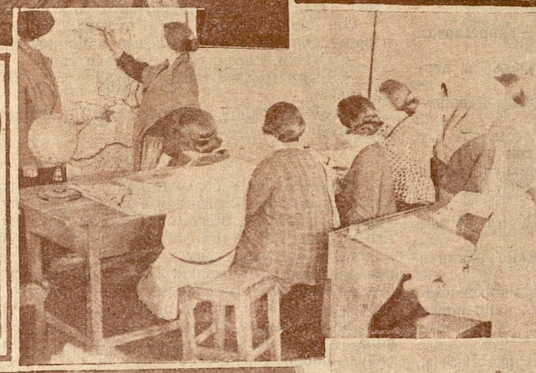
Фото-монтаж В. Сэйп и А. Лебого.

(К очерку на обороте).

НА ЩЕБНЕ БЫЛОГО...

НОВЫЙ БЫТ

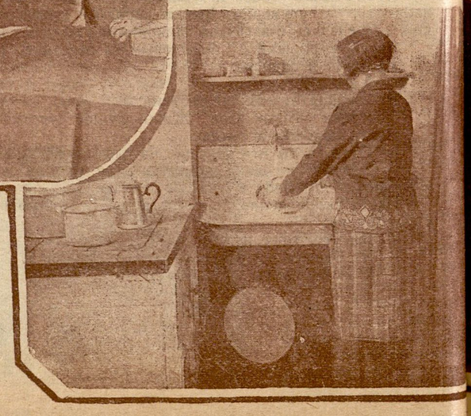

1. Работницы-ткачихи. 2. На уроке географии — неграмотность 4. На 5. У станка. 6. В коммуне. Женщины — нарзаседатели. 8. В коммунальном овале). Первая женщина — губпрокурор — тов. Цейтлин. ...в яслях (когда их матери

На двенадцатом году революции трудящиеся женщины далеко продвинулись вперед по пути своего освобождения из тенет старого быта, по пути строительства нового быта, строительства социализма.

СТАРЫЙ БЫТ

Но корни старого быта еще гнездятся в темных уголках. На штурм против старого быта: темноты, религии, корыта и горшков! В разлом остатки былого!

На щебне былого...

Очерк Иловайского.

Ночь.

Ночь. Безымянный переулок. Низенькие, вросшие в землю домишки. Хлопает ветер ставнями, шелестят замерзшие тряпки, развешанные на протянутых веревочках под окнами, во дворах. Переулок узок и ветх. Два мужских голоса ругаются недалеко, за поворотом старого досчатого забора.

Вот совсем полуразвалившийся домик. Окна заткнуты тряпками. Через окно слышится надсадное, тягучее:

«Ты взойди-и-ка, взойди, солнце красное».

Следует только получше оглядеться и сразу почувствуешь невыносимую тьму и жуть. Безымянный переулок криво лежит в привокзальной логовине. Небо с мириадами светлых звезд поднято над ним ужасающе высоко. С горы, с Октябрьской улицы, смотрят новые кирпичные корпуса завода № 1. Сотни окон светятся желтыми квадратами света. Там новая жизнь.

А здесь...

...У окна сидит женщина с страдальческим лицом. Она качает люльку и поет о том, когда: «Взойдет солнце красное»...

Женщина сидит на разломанном сундуке. Рыжекудрая девица с пепельными глазами уставилась взглядом в карты, разбросанные по столу гадалкой.

— Вот он, вышел все-таки,—указала девица на бубнового короля.

— Сходила бы ты лучше на собрание,— обращается к ней женщина, прервавшая вдруг надсадную песню.—Угадает она тебе, смотри-ка.

Из-за угла послышался звонкий испуганный крик.

— Милицанер, милицанер!

Впотьмах был виден силуэт девочки. Она продолжала кричать:

— Батюшки! а-аа-й! Отец мать бьет! Не прошло и минуты, как в переулок выбежала женщина.

— Пойдем, детка, пойдем,—схватила она за руку девочку.—У нас есть управа. Есть! Я в женотдел пойду, ты не думай, басурман пьяный. Ишь-ты!—грозит кому-то во тьму женщина.

Женщина и девочка пошли по переулку, в даль, откуда слышались трамвайные звонки...

Путь к рассвету.

Работница меднопрокатного завода Григорьева Мария Николаевна живет в этом же Безымянном переулке. Она только что обучилась грамоте.

— Что ж такое, что мне 48 лет?—говорит она.—Книжки писаны для всех: для молодых и старых. Ленин говорил, что без женщины социализма не построить.

После работы Мария Николаевна читает книжки.

— Начала с маленького,—с азов, а теперь читаю и пишу. На заводе меня делегаткой выбрали. «Ты, говорят, жизнь знаешь, работать будешь».—Буду, говорю, работать. Потому что надо скорей достраивать новое,--улыбается Григорьева выцветшими, но живыми глазами.

Таких тысячи.

Тов. Зайцева, заместитель управляющего самоварной фабрикой имени Турчанинова, рассказывает:

— Ох, как мне хотелось в молодости выучиться грамоте. Не пришлось. Отец и мать были неграмотные и мне не разрешали учиться.

— Мы тебе покажем учение! Что это ты задумала—в писульки с ребятами играть? Ты не будь дурой—лучше привыкай стряпать да на клиросе петь.

Стряпать было нечего, на клиросе петь не хотелось. Да и как запеть, когда отец пропил ее за немилого, помимо ее воли?..

— Двадцать лет жила-мучилась. Советская власть пришла—развелась с мужем. Записалась в партию, учиться пошла.

Двадцать лет т. Зайцева работает на фабрике. Свыклась со станками, с приводами. С одного взгляда определяет качество самовара.

Революция открыла ей дорогу. Дала возможность проявить творческую силу. Зайцева из года в год квалифицировалась. В прошлом году на фабрику потребовался заместитель управляющего.

— Зайцеву надо поставить на эту должность,—сказали рабочие и работницы.

М. Зайцева сейчас руководит большой, ответственной работой на самоварной фабрике.

Тов. Цейтлин—раньше работавшая батрачкой в аулах и кишлаках Востока. Теперь губернский прокурор гор. Тулы.

Удивительны эти 11 лет, что минули после Октября!

— Представьте себе жизнь горной или туркменской женщины. Ходят они покрывшись паранджой. Свет и солнце были не для них. Они рабыни, служили только для домашнего обихода, для работы на мужчин.

Но свет Ленина проник и туда, в горы, в бескрайные песчаные пустыни.

Сквозь великую борьбу, сквозь бой гражданской войны, пришла тов. Цейтлин к посту губпрокурора... Таких женщин не мало. Далекий Восток следит за ними, удивляется могучей воли партии, умеющей сделать женщину поистине равноправной. 120000 восточных женщин сняли сейчас паранджу и идут в ногу с коммунистической партией. Идут могучими колоннами.

Только сами.

В женотделе заррайкома обсуждается план празднования 8 марта.

— Нынешний год мы обязательно должны изжить беспризорность.

— Женщины, закрепощенные кухней, пеленками, должны быть выведены на новый путь.

— Лебедева, тебе поручается организовать женщин вокруг клубов. Мало еще женщин с окраин у нас участвуют в кружках.

Лебедева--недавно работавшая у станка, сейчас ответственный работник завкома завода № 1—записывает в блок-ноте поручение. Черные косички волос свесились на лоб. Худощавое лицо напряженно, глаза горят.

— Девчата, вы мне в помощь дайте двух-трех делегаток, а то кабы я не подвела вас. В Заречье-то, чай, три тысячи домов будет. А времени остается немного Не обещаю одна.

— Стенгазеты в жилтовариществах выпустить. Специально к женскому дню.

— Печать—Зине Шинской.

На Зине замасленная рабочая куртка, шоколадного цвета шаль. Лицо Зины серьезно, глаза светят улыбку.

— Мне даже еще что-нибудь можно прибавить.

Шинская Зина 8 часов работает у станка мастерской № 1 завода № 1. Зину знает весь завод, вся Тула. В заводе она бегает в синей блузе, агитирует за печать, за поднятие производства. Благодаря энергичности Зины Шинской в мастерской № 1 все рабочие участвовали в смотре производственных совещаний.

Призыв.

На одном из перевыборных собраний жилтовариществ выступала работница Зимина. Красная повязка ее была сбита назад, каштановые волосы сбились на лоб. Работница, жестикулируя рукой в воздухе перед многочисленным собранием, чеканила слова:

— Нам очень хорошо жить в коллективе. Мы вот собираемся здесь, делимся своим опытом... Дети наши сейчас в детсаде, у нас за них душа не болит. А сколько еще у нас женщин в лачугах живет, в грязи, в мусоре! Я по себе знаю, как жить одной. Жилтоварищества надо расширять, коллективизировать. Без коллектива пропадем.

— Правильно! Верно!—загудело собрание.

Зимина сошла с трибуны радостная. И тут же ей собрание поручило выработать проект об улучшении детских яслей, садов, чтобы в них можно было принимать тех детей, которые живут в маленьких, сырых домиках.

Миллионы таких Зиминых в СССР.

Так женщина идет к социализму прямым ленинским путем.

НА ЛЬДУ.

Дорогая! Где же, где ты?
Дай мне руку
И айда!
По стеклянному паркету
Вечереющего льда.

Посмотри-ка:
Там за нами,
Там за нами,
Посмотри:
Воспаленными глазами
Замигали фонари.

Чаще, чаще .. Мы отстали...
Крепче взмахи!... И спроста ль
Стоны выточенной стали
Будят мускульную сталь.
Лязг и стоны—буйной сменой.
И в туманный полусвет
Брызжет искристою пеной
Лезвия сыпучий след.
И мелькающие тени
С диким звяканьем своим,
Будто в повести ведений,
Мчатся скопом голубым.

Мчатся тени.
Пропадая,
И взлетая
И скользя...
— Этой повести, родная,
Даже выдумать нельзя!
Хорошо с такой гурьбою
И в раскатах,
И в борьбе.
Хорошо,
Что мы с тобою
В этой огненной гурьбе.

С нами свет
И сила с нами!..
Знаю, завтра,
Ранним днем,
Мы другими голосами
Песню радости споем.
И когда почую боль я...
Ты напомни мне тогда
Про студеное раздолье
Вечереющего льда.

В. СУХОТИН.

ГОРЬКИЙ САХАР

Рассказ М. Кольчугина.

Настя Курдюмова, девушка в вязаной шали шоколадного цвета, в синеватом пальто, с серым заячьим воротником, вбежала в завод. Лицо ее смеялось, голубые глаза горели.

В шагах трех от двери она постучала носками порыжевших бот о каблуки и, подвижно обернувшись назад, взглянула на круглые часы, висящие над дверью. Стрелки показывали 9 час. 20 минут. Сторожиха обысчица, сидевшая в уголке на табурете, бросила Насте:

— Век ты, девка, летаешь, как будто с цепи спущенная. До смены полчаса, а ты, как угорелая, мчишься.

— Думала, опоздала. Часы дома испортились.

Она расстегнула пальто и теперь, уже не спеша, направилась вглубь завода. Навстречу ей, звеня порожними формами, катился вагончик, подталкиваемый голоспинным рабочим. Настя насторожилась, стала у под'емной машины. И только что успел прогреметь мимо нее вагончик с верхнего этажа в пролет, по которому ходит под'емная клеть, как на нее полилась холодная вода. Неожиданный леденящий поток ошеломил Настю. От холода и испуга она сильно вздрогнула. Сначала Настя ничего не поняла, но громыхнувшее о цементный пол второго этажа ведро подсказало, что облили ее умышленно.

Настя рассердилась, закричала в пролет клети, подняв голову. Ее с хохотом окружили рабочие, одетые в трусы.

— У-у-у-х! у у-у-х!

— Хороша!

— В каком омуте рыбу ловила?

С Насти текла вода. Пальто сделалось раскисшим, отяжелевшим, заячий воротник, до этого пышный и мягкий, намок и свалялся. Связываться с насмешниками Насте не хотелось. Это вызвало бы еще больше крику, насмешек, на которые бы сбежалась половина рабочих завода. Она, не говоря ни слова, разделась и пошла по лестнице на второй этаж в сушильное отделение. Там, вместе с другими рабочими, работал Чибисов Пашка. Настя давно сторонилась Пашки. Она не любила Пашку за его хвастовство, за приставания. Однако пальто сушить было надо.

На четвертом этаже было тропически жарко. Вокруг стен шипели пробивающиеся из труб пары, электрические лампочки, забрызганные сахаром, тускло желтели под потолком. И здесь, как и в нижнем этаже, по бокам стояли с сахаром формы, вверх жерлами. Двое рабочих ходили по формам, наливая в них клерс из парусиновых рукавов, с медными наконечниками.

— Эй, эй!—гаркнул на Настю парень в черных трусах и пустил в нее струю клерса-сиропа.

— Ну, ты, жулик!—отскочив в сторону, заругалась Настя.— Что поливаешь патокой-то? Бестолочь. В брак ведь пойдет с пола-то.

Парень ответа долго не искал.

— Насчет брака у меня застоя не будет. Тебе какой больше нравится: юридический или фактический?

Он хохоча начал сыпать похабные слова. Настя его не слышала, выкрики рабочего заглушались шипением пара.

Бетонный коридор, схожий с глухим проездом большого каменного дома, вел ее в сушильное отделение. Здесь было неномерно жарко; сухой, разгоряченный, как в камине, воздух шелестил волосы, захватывал дыхание.

Пашка встретил Настю у конца коридора, где на площадке лежал канат, свернувшийся, как удав.

— А-а! Делегация!—закричал он, протягивая Насте голую мускулистую руку:—Ай, опять насчет собрания агитировать?

— Облил вот какой-то чорт... Тут у вас можно пальто посушить?

— Ну, что ж. Семь раз поцеловать за это?

— Губы заболят, неравно.

Он взял пальто на руки, понянчил его, пошутил и, унося в подогреватель, сказал:

— За пальто могу поручиться, а за то, что в карма не—не могу Деньги есть—вытаскивай загодя.

— Дай-ка, дай-ка, сюда,—спохватилась Настя.—Там у меня штучка одна есть.

Она вспомнила о записке, переданной ей у ворот завода подругой Феней от слесаря завода Митьки Румянцева. Записку она собиралась прочитать тут же, как придет на работу, но поток холодной воды, пущенный на нее у под'емной машины, заставил забыть обо всем.

— Ну, давай же, я сама достану!—закричала она, видя, как Пашка полез в карман ее пальто.

Он что-то глухо пробурчал в темноте подогревателя и продолжал шарить в карманах. Она бросилась к нему в горячий бетонный тоннель подогревателя.

— Пашка, не представляйся!

Но Пашка ловко увернулся от ее рук и выбежал наружу.

Настя поспешила за ним, но по пути задела плечом за стоящие на полке вагона сахарные головы; они хрустяще загремели, падая к ее ногам.

— Пашка, отдай, не уродничай!—кинулась она к нему.

Он подпустил ее близко к себе и побежал снова. От беготни Настя вспотела, раскраснелась, волосы ее растрепались. Пашка бегал, мелькая синими трусами по площадке, шлепая чунями о засахаренный пол.

Минут пять водил он Настю вокруг стен, подогревателей, между чугунных колонн.

— Пашка! Отдай! Надо на колку итти.

Потом она собрала последние силы, нагнала его и звонко треснула ладонью по голой спине.

— Н на ж тебе!

В это время из простекленной до половины будочки вышел староста сушильного отделения. Он повел угрюмым синеватым лицом, зачесал слипшимися от сахара пальцами волосы назад и комадно крикнул, сделав рупор из рук:

— Давай из четвертого перегонку!

Пашка побежал к аппарату, похожему на седеющий склеп. Одним толчком открыл кран. Раздался отчаянно-звонкий свист от сильной тяги воздуха во внутрь аппарата. Стрелка стоящего над аппаратом манометра шарахнулась на бок и, лихо задрожав, остановилась:

— Ну, отдай же записку, Пашка.

— Провожать пойду,—отдам.

— Может быть, я не хочу, чтобы ты меня провожал.

Из холодильника коридором шла человек в десять партия рабочих-перегонщиков. Они так же, как и Пашка, были все в трусах, в чунях на босу ногу.

На руках огромные холщевые рукавицы. Тела их бронзово сверкали от электрического света.

— Ого, нас никак делегатка пришла проведать,—говорил дюжий мужчина с бритой головой.

— Пашка хоть какой голову закрутит,—подмигнул стриженный под бобрика.

— Настюша ему закрутит. Это да,—мягко выговорил беловекий, ребрастый, нагибаясь за канатом.

— Так и не отдаешь?—снова обратилась Настя к Пашке.

Пашка вытряс из рукавицы письмо на пол, отмахнул тяжелую чугунную дверь аппарата:

— Давай канат!

— Дежурки гони!

Бритоголовый подкатил к аппарату дежурный полок. Двое других—черноусый и беловекий—чугунно громыхнув латками, соединили рельсы дежурки с рельсами аппарата и с грохотом выкатили из него, как из тоннеля, вагон с головами сахара в цинковых формах. Бритоголовый налегнул на ручку дежурки, трое новых потянули вагон на себя и покатили его на дежурке к подо-

Две годовщины.

16-го марта исполнилось 10 лет со дня смерти первого председателя ВЦИК РСФСР Якова Михайловича Свердлова:

На снимке скульптура „Свердлов" известного скульптора С. Т. Конькова, приобретенная тульским музеем.

29-го марта исполняется 10 лет со дня избрания на пост председателя ВЦИК РСФСР Михаила Ивановича Калинина.

гревателям, высоко подпрыгивая, чтобы вагон не подмял их под себя.

Перегонка длилась минут десять. В это время рабочие работали невероятно лихо, точно на пожаре. Надо было дорожить каждой секундой, чтобы сахар не остывал, пока его загонят в новый, более жаркий тоннель-подогреватель.

Потные тела рабочих метались в электрическом свете коридора, как большие, пойманные неводом, рыбы. Рабочие фыркали от обилия пота, жмурясь выжимали из-под век соленые капли и, мотая головами, стряхивали капли на засахаренный пол.

Бетонный коридор стонал от железного грохота, стены, потолки содрогались и трясли электрические лампы, чугунные двери подогревателей скрежетали от разросшегося гуда и дрожи.

Пашка то и дело нырял в горящую пасть тоннеля, таская за собой канат. Там, во тьме, в неномерной жарище, он зацеплял крючком за вагоны и стремительно выскакивал оттуда наружу. Другие поминутно подкатывали сюда нестерпимо гремящий полок, грохали чугунными латками. Беловекий и Пашка вырывали из жаркой тьмы вагоны с сахарными снарядами, которые снова и снова осатанело укатывались рабочими.

Каждая малейшая неудача в перегонке сопровождалась бурной похабнейшей бранью. Настя давно уже привыкла к этой, выдирающей нутро ругани, к остервенелому надсадному лаю. Когда кончилась перегонка, она сказала:

— Вы по матершине-то экзамен сдали. Не боитесь, языки поотсохнут?

— Только и выезжаем на этом,—отозвался бритоголовый, вытирая рукавицей пот с лица.

Стриженный под бобрика принялся доказывать:

— До полного проведения индустрии страны матюжиться мы имеем полное право. Работу облегчишь только двумя способами—матершиной да машиной. Ну, а пока нет машины—круши матершиной. Ты не обижайся, Настя. Ты наша делегатка. Ты должна сочувствовать рабочим.

— Помогает здорово! – поддержал черноусый.—Как запустишь, вагон так и вскакивает на рельсы сам. Не сойти с места!

— А все-таки некрасиво,— покачала головой Настя.—Отвыкать надо.

— Сознаем, нехорошо... конечно... отвыкать надо...

— Надо пойти; небось, высохло пальто теперь,—поднялась Настя с лежащих на полу форм:—Через пять минут колка начнется.

— Пойдем провожу,—назвался Пашка.

Они взяли высохшее пальто, пошли другой лестницей, не той, которой Настя шла сюда несколько минут назад. С половины этой лестницы послышался оглушительный визг кружащейся пилы, обрезывающей сахарные головы.

— Обрезка пошла, сейчас и колку пустят,—прибавила шагу Настя.

Конвейерная лента несла на рогачиках сахарные головы на пилу. Сильнейший шум вырастал через каждые пять секунд—сахарная пыль взлетала белым фонтаном.

— Фу, будь ты проклят!—зажал Пашка нос.—Некоторые с чаем никогда не пьют сахар, а мы тут задыхаемся в нем.

— На то он и завод сахарный,—сказала Настя.

— Это правда, на то и губы твои, чтобы целовать их.

— Не складно, и не ладно

— Конечно, я не скажу, как Митька Румянцев.

— А что ж, и правда.

Пашка приотстал. Настя, не оглядываясь, продолжала итти вперед. Черные глаза Пашки ощупывали ее плечи, талию, ноги. Потом он дернулся вперед, за ней, схватил за руку.

— Настька!

— Говори, ну?—невозмутимо взглянула она на него.

— Я, как будет перерыв на ужин, приду к тебе, сюда...

— Приходи что ж, разве я тебя гоню?

В колольном цехе было прохладно. Девушки сидели на столах, облокотившись на ручки косарей, прикрепленных к железным стойкам пружинами.

— А-а, Паша! Как поживаешь?—воскликнула Феня, та, которая передала от Митьки письмо Насте. Она соскочила со стола, задетый ее рукой косарь гремя запрыгал на пружине.

— Настя привет передает,—бросила другая девушка с подвязанными зубами.

— Только что имел счастье совершить с нею прогулку по заводу,—ответил Пашка.

— Завидую,—бросила девушка в Пашку кусочком сахара.

Десятка два девушек окружили его.

— Расскажи, Пашка, что-нибудь.

Пашка заговорил со всеми сразу.

— У вас новостей-то целый ворох. Одна целую ночь пострадала, другую на десять ящиков обогнали... Эта гуляет с тем-то, целует того-то, те в ЗАГС собираются итти... А я что? Гулять

мне не с кем. Рукавицы, видите, новые. Чуни тоже. Э-э, твою мать Ивановну! Сыграй, девчата, мне «разлуку»!

Девичьи глаза звали Пашку улыбками. Рослая краснощекая Наташа, с буйными каштановыми кудрями, зазывно щурила на него синими глазами. Другие бросали в Пашку мелкими кусочками сахара. Некоторые, облокотившись друг другу на плечи, раскачиваясь, о чем-то мечтали...

Настя стояла в стороне, за своей машинкой, с Митькой. Они, никого не слушая, говорили о своем.

Мимо собравшейся кучки девчат совсем сонно, еле передвигая ноги, шел староста Качуков. На нем белая рубаха без пояса, блинчатая засахаренная кепка. Он, шел пережевывая что-то губами, и не смотрел ни на кого. Девчата знали, куда тянул этот человек. Они бросились за столы, каждая на свое место, и выстроились за машинками в ряды, как на военной службе, держась за ручки косарей.

Качуков додвигал до задней стены. Дребезжаще ударил о чугунную доску молотком четырежды. На противоположной стороне отделения яростно взвил мотор. Одновременно с этим воем загромыхали конвейерные рычаги, защелкали железными суставами стронувшиеся с места сплетенные из стальных нитей ленты. Сахарные глыбы западали на эти упругие полосы и поплыли вдоль столов, между машинок, точно березовые поленья, несомые водой в желобах. Десятки девичьих рук жадно, на-перебой потащили с лент сахарные глыбы и стали совать их в ножи, с грохотом разрубать на куски. Кругом все гудело, грохотало, барабанило глухим дробным громом. У стены, аккуратно через каждые пять секунд, отчаянно взвизгивала пила. Из-под пилы, как из молотилки, взрывами били клубы сахарной пыли. Пыль летела вместе с осколками сахара, которыми, как гололедицей, секло лица и оголенные спины рабочих. Под столами гремуче ползли другие решетчатые ленты. Они уносили нарубленный работницами сахар, отсеивая на пути мелкие осколки и пыль. Там же, под столом, ниже лент, гудел неизвестно откуда проникший ветер. Сахарная пыль гонялась им по полу около босых девичьих ног, как поземка, навевая сугробы сахара, тающие под ногами. Сладкий белый туман густел над головами с каждой минутой. Лунно светили электрические лампы в очерченных мутью кругах.

То там, то тут в несмолкаемом грохоте прорывались звонкие голоса:

— Ящ-щ-ик!

— Седьмой!

— Одиннадцатый!

— Запиши, Степка!

Проворные руки кольщиц быстро отдергивали движки, и сахар хрустя проваливался вниз, под стол, на ползущие решетчатые ленты.

Пашка не видел никого, кроме Насти. Он не отрываясь смотрел на нее, лихорадочно дробящую сахар, глыбу за глыбой. Девушка тарахтела машиной, не думая ни о чем. Глаза ее пристально следили из-под выбеленных сахарной пылью век за каждым падающим куском. Было совершенно понятно, что она так же, как и все остальные, работала, повинуясь машине. Машина же без конца двигала сахарные глыбы, требуя, чтобы их рубили, рубили, рубили...

Гудят моторы, грохочут машинки, отчаянно визжат пилы, несут конвейерные ленты сахарные глыбы—несут безостановочно, неустанно. Пропущенные сахарные глыбы напирают друг на друга на концах столов. Становятся на дыбы, как льдины в заторах, обозленно падают, ухают, точно злобясь на то, что их не успевают колоть.

— Степка, запиши!

— Девятнадцатый!

— Двадцать шестой!

Пашка стоял на одном и том же месте, будто привинченный, и смотрел на бешеный пляс пружин, косарей и девичьих рук. Черные волосы его обелились сахарной пылью. Начинало знобить от холодного воздуха, веявшего от машинных маховиков.

— Ходишь в гости к девчатам!?—крикнул подошедший Митька.

Пашка метнул на него недоброжелательный взгляд.

— Жалко тебе что ли?

Помолчал немного и спросил:

— Что это тебе Настька рассказывала?

— Ничего. Я машинку ей исправлял. Ножи перекосоротило сильно. Один на один не приходились.

Лицо Пашки дернулось. Понял он, что Митька, говоря о машинке, думал о Насте.

— Помял я ее нынче в сушилке,—не без удовольствия сказал Пашка, потирая руки.—Смеется и больше ничего.

И сконфузился от вранья. Он сознавал, что Митька не верит его словам, сказанным лишь для того, чтобы похвастаться перед соперником. Митька понял его смущение и перешел на другое.

— Я уже разыскал того, кто облил ее.

— Кто?

— Антошка Качуков. Качуков, видишь ли, приписывал ящики некоторым, а деньги себе брал. Настька-то об этом и бухнула на собрании.

— Догадка только. Облил-то может и не Антошка.

— То есть, как не Антошка? Видели, как он бросил ведро и в горячах в колонну лбом треснулся. Шишка сейчас на лбу с кулак сидит.

— Заявление будешь писать?

— Напишем.

Пашка ушел.

Митька осмотрел вагончики по заводу. Где было надо, подвинтил гайки, постучал по железу молотком. А близко к ужину снова заявился на колку и стал у колонны. Он думал, что вот-вот пройдет к задней стене Качуков своей развалистой походкой и дребезжаще звякнет на ужин. Качуков же показался совсем с неожиданной стороны—из-за яруса сахарных голов. Осторожно ступая ногами, подкрался он к Насте и гаркнул, передернув судорожно:

— Ну, что не правда!—сунулся он в ящик рукой.—Это что, какими ковалками лущуешь!

Настя от неожиданности ойкнула. Сахарная глыба выпала из ее рук. Тяжелый нож бестолково запрыгал на пружине.

— У-уф!—вскинула девушка выше головы руки, с чернеющим от крови пальцем.

— У-у-уф!—сильнее взвыла она от боли, подняв голову вверх, пятня кровью заснеженный сахаром пол.

Качуков из сонного сделался сразу подвижным и проворным. Он забегал около Насти и заюлил.

— Ну, как же это ты? Поспешила, вот глупая, и обрубилась. Куда спешить... Ящиком больше, ящиком меньше наколешь, велика важность: копейку переработать, копейку не доработать.

Подбежал Митька. Черные брови его высоко поднялись дугами, глаза сверкали неизрасходованной злобой и кулаки побелели от натуги.

— Ты что, мерзавец, наделал?—схватил он за ворот Качукова.

Один за одним смолкали колольные станки, работницы бежали на крик. Конвейерные ленты запрудились сахарными поленьями. Они хрустели под напором других, которые шли с начальных концов столов. Сахарные глыбы гремели на движущейся ленте, возились, как живые, падали со столов, бились о бетонный пол.

— Это ему не впервой издеваться так-то.

— Он всех поедом с'ел, дьявол губошлепый.

— Своей дочке хоть бы ты хны. Колет—прохлаждается, а в получку—денег охапка.

—.Тресни его зуботычиной.

— Не боишься, за директоровой коровкой ухаживаешь?

— У нас на это газета есть. Качуков, бледный и трясущийся, кричал, невидимый в толпе.

— Бейте! Ваше право!

Голоса кричали:

— На черта ты нам сдался! Трясучка--лошадиные губы.

— Мы не как ты—вредный.

— У нас власти на это есть. Суд.

Степка зазвонил на ужин. Машина стала, унялись пилы, тишина наполнила колольное отделение. Работницы запрыгали через навалившиеся поленья сахара, точно через хрусткий, взломанный ломом, снег.

За окном шла весна, похрустывая ледяными корочками. Месяц садился на трубу какого-то домика во дворе завода.

Настя смотрела в окно. Там, далеко по луговине, разливалась река. В ней отражались городские огни длинными, желтыми полосами. На Насте было пальто, шаль, забинтованная рука бело торчала из рукава. Настя глядела в окно долго. Залитая луговина казалась широкой и дали ее сулили необычные просторы и свободу.

— Ну, чего ты задумалась?—окликнул ее Пашка.—Идем домой.

Она глянула ему в глаза. Осмотрела его фасонистый пиджак с надутыми карманами, лихо заломленную шапку и, отвернувшись в сторону, крикнула звонко:

— Скоро ты, Митька?!

— Да никак рукой не попаду в рукав,—отозвался Румянцев.

— Ну, вот тебе на! Подожди-ка я посмотрю, в чем там дело,— и она, хрустя по сахару, побежала к нему...

Сенька изобретатель

Рис. Жарова.

Рассказ Н. Стрекопытова.

Когда в первый раз Сенька попал на завод к отцу, его поразила сумрачность и неприветливость мастерской.

Даже больше того: грохот и лязг станков, щелест приводных ремней и мелькание вращающихся трансмиссий как-то придавили существо Сеньки.

Сперва боялся отойти от отца. Страшно становилось,—а ну, зацепит, захватит и изуродует, сотрет в порошок.

Было жутко.

А тут еще предостерегающие слова отца:—Ты, Семен, смотри не балуй. Тут зевать не приходится. Машина, она не шутит. Намедни, одному два пальца отхватило и ахнуть не успел. С машиной, брат, держать ухо востро надо.

Страшно становилось.

— А что, если она перестанет слушаться человека и начнет хватать и уродовать?—мелькает в Сенькиной голове.

На минуту задумался. Почувствовалась утрата свободного, беспечного житья за отцовской спиной. Живо представилась родная улица на окраине города, небольшой, трехоконный домик, сад и целая ватага таких же, как Сенька, подростков, весь день играющих и веселящихся до потери сил.

Каким коротким казался тогда день. Некогда было поесть. То в лодыжки с ребятами играет Сенька, то в «городки», то купаться всей ватагой на реку бегут. Всякую свободную от школьных занятий минутку использовывали с любовью. Было весело.

Но вот пришла другая пора. Школа кончена, и отец поговаривает о работе.

— Ты достаточно подрос,—говорит все чаще, глядя на Сеньку, —у нас в мастерской токаря Кузмича малец поменьше тебя, а уже давно помогает отцу. Довольно баклуши бить, пора и тебе за работу браться. Хорошим помощником мне будешь.

— Рановато еще,—вступалась было мать,—пусть бы годик-другой побегал на волюшке.

— Нет,—резко оборвал отец,—я уж стар становлюсь, работник из меня скоро плохой будет, пора и сынку научиться хлеб добывать. Вот поговорю с мастером, да в завкоме похлопочу, пусть-ка ко мне в подручные и поставят.

Тогда, слушая отца, Сенька сгорал от любопытства. Хотелось поскорей попасть в завод, чтобы можно было при случае погордиться перед остальной уличной братией. Да и чем-то заманчивым звучали слова отца, когда он говорил о будущей Сенькиной самостоятельности.

Правда, жалко было той беспечной свободы, которую предстояло вскоре потерять, но новое, неизвестное, влекло больше.

Потому-то, идя сегодня с отцом в завод, Сенька чувствовал себя особенно бодро.

А теперь, когда Сенька стоял у станка рядом с отцом и смотрел на бегущую из-под резца стружку, в нем наряду с сознанием утраты свободы проснулось новое чувство, чувство угнетения.

Завиваясь в спирали, стружка отходила бесконечно длинная, меняющаяся в цвете. Из блестящей, белой, становилась желтой, затем коричневой, синей, переходила в голубоватый и опять бледнела, отрываясь и падая в железный ящик под станком.

— Горячая, ишь, даже синеет,—указывает отец на стружку.

Вот, если не подмазывать резца, он живо «сядет» и его придется менять.

Сенька смотрел, как отец установил на центра новый кусок стали, запустил станок, и снова побежала из-под резца горячая стружка.

Первый под'ем любопытства улегся и Сеньке скучным показалось однообразие.

Взглянул в окно. Во дворе завода яркие солнечные лучи, отражаясь на стенах корпусов, так и манят на свободу.

Еще неприветливей, еще серее показалась мастерская.

Возбуждение, вызванное новой, непривычной обстановкой, упало.

Шум и лязг, которые сначала пугали и раздражали, теперь как-то убаюкивали. Клонило ко сну. Сами закрылись глаза и, взгрустнув, Сенька понял, что нечаянно задремал, сидя на ящике с инструментом.

Стало стыдно.—А ну, заметили?

Но, казалось, никто на Сеньку не обращал внимания и только под усами отца губы усмехались, да в глазах его была скрыта такая же усмешка.

— Ну, Сень, иди помогай,—позвал он сына.—Вот, подмазывай кисточкой, а я сейчас приду. Только не зевай, а то живо пальцем в станок попадешь.

Весело бежит стружка, двигается резец, приближаясь к центру «бабки». Оглянулся—отца нет. Растет тревожное чувство у Сеньки: —Куда ушел отец? Пройдет резец работу, кто остановит станок?

— Позову кого-нибудь,—решает Сенька,--но самолюбие и боязнь, как бы не посмеялись над ним, заставляют отказаться от принятого решения.

— Остановлю сам.

А резец все ближе, и через несколько десятков оборотов надо останавливать «самоход».

— Попробую; кажется, отец отводит вот эту рукоятку,—вспоминает Сенька движения отца и накладывает свою руку на рукоятку «самохода».

Если бы Сенька повернул в это время свою голову, он бы увидел, что сзади стоит его отец и радостно улыбается находчивости и смышленности сына.

Пока Сенька соображал, как ему поступить, отец подошел к станку и теперь радовался за своего подручного.

* * *

День за днем бегут недели, месяцы и годы новой Сенькиной жизни. Труд поглотил Сеньку целиком и из мальчика-подручного Сенька сделался молодым токарем.

Особенно приятно было ему сознавать, что теперь не только жить на отцовские средства не приходится, но даже, наоборот, своим заработком он, Сенька, помогает семье.

Радостное чувство просыпалось в нем каждый раз, когда в дни получек, возвращаясь домой с завода, Сенька приносил подарки—обновки для матери и маленьких брата с сестренкой.

Теперь уже заработок Сеньки почти не отставал от заработка прочих токарей его цеха, но того возбуждения, которое он испытывал, получая первый свой небольшой заработок, не было.

Любопытство и наблюдательность Сеньки попрежнему остались в нем. Часто, пустив станок «самоходом», Сенька шел к соседям, интересуясь их работой.

— Работаешь, Сеня? — встречал его сосед, фрезеровщик.— Работай, работай, бог труды любит.

— А работа дураков,—вставлял свое словцо балагур и весельчак слесарь Акимыч, опиливая болванку для матрицы пресса.

— Дядя Акимыч, а почему бы не сторошить твою работу на станке?—спрашивает Сенька, видя, как пот каплями сбегает со лба Акимыча, оставляя полосы на пыльном лице.

— Тебя не спросили. Начальство знает, что делает,—хмурит лоб Акимыч,—значит, так надо, когда заставляют пилить.

— Да ведь на станке и легче и скорей,—не унимается Сенька.

— Мало бы что. Наше дело: дали пилить — пили, а скажут на станок поставить—поставим на станок.

Сенька у своего станка, но в голове упрямая мысль:

— Хорошо бы на станок, и легче и быстрее

Важно выступая, по цеху проходит мастер.

Не любит мастер, когда не о деле говорят. Строг и самолюбив не в меру. Недолюбливают за это мастера рабочие

— Спрошу у мастера,—думает Сенька,—почему не станком, а руками Акимыча обрабатывают такую большую болванку.

— Ишь ты, куда хватил,— протянул мастер, оттопырив важно нижнюю губу.

Пытливо взглянул Сенька в самые глаза мастера

— Обидился или нет? —мелькнуло в голове.

На другой день с утра около фрезерного станка уже лежали несколько штампованных болванок для матриц.

Весело, длинными червячками, точно лапша на столе у хозяйки, из-под шарошки вылезают, отпихивая одна другую, острые, как иглы, стружки.

— Накаркал, Семен; так и без работы скоро оставишь меня,—подошел к станку Акимыч.

— Я не подумал об этом,—начал было оправдываться Сенька, но Акимыч перебил его.

— Ужь не оправдывайся, я пошутил. Работы для нашего брата всегда хватит, были бы руки здоровы, а вот для производства, глядишь, экономия. Тогда, пожалуй, тебе премию дадут.

— За что же мне-то, Акимыч?—смутился Сенька.

— Ладно там, скромничай.

Веселей ходят руки, отводя «каретку» станка. Приятной похвалой звучат слова Акимыча, а в голове уже новые мысли:—Хорошо бы придумать, что-нибудь полезное для завода. Так, по мелочам, сегодня я, завтра другой, по грошам, большие деньги сэкономить можем.

Бежит резец. Над резцом стоит ведерочка с маслом, которое через кран тоненькой струйкой падает на горячий резец,

С шипеньем струйка отскакивает от резца и вместе со стружкой, брызгами, масло стекает в ящик под станком.

Знает Сенька: каждый день чернорабочий, после работ, железным крюком захватывает ящик из-под станка и вываливает стружку во дворе завода. Только жирные пятна на земле свидетельствуют о том, сколько пропадает даром дорогого масла.—Вот ведь, какие убытки несет завод,—думает Сенька—и в голове рождается новая идея.

— А что, если отработанное масло собирать и использовывать вторично?

Подумал и самому стало удивительно, почему до сих пор никто не догадался сделать такую простую вещь.

— Э, да ты не шутя,— щурит мастер сквозь очки свои глаза на Сеньку.—Что ж, дело хорошее, попробуй. Ящик можешь взять новый.

Фото-этюд Розенберга.

Ленинский сквер в Туле ночью.

Не идет, а бежит Сенька.

— А, пожалуй, и не особенно строг мастер.

Впрочем, сейчас Сенька готов был признать мастера и за добряка.

— Глянь, а наш Сенька-то чем занят,— столпились около Сеньки рабочие, когда он пробоем стал делать небольшие, круглые дырочки в дне ящика.

— Что это, Сень, ты вещи-то портишь?— нето с укором, нето с любопытством протянул подошедший отец.

— Я у мастера спросил, он мне позволил,— уклончиво ответил Сенька, не отрываясь от работы. Говорить раньше времени о задуманном он не решался,— а ну, как ничего не получится?

Волнуясь, ставил на ящик под станком другой, с дном, похожим на решето.

Снова бежит резец. Опять течет масло, но теперь, падая в ящик со стружкой, оно просачивается вниз, через и обитые Сенькой дырочки.

Раза три за день бегал Сенька раньше в кладовую за маслом, а теперь только перечерпает из ящика в ведерку, и снова оно капает на резец.

День к концу, а Сенька немного больше полуведра масла израсходовал, что «угорело», да разбрызгалось.

Сам инженер, заведывающий мастерской, с мастером подошли к Сенькиному станку.

— Молодец, и просто и хорошо,— похвалил инженер Сеньку.

— А вы, Василий Васильевич, распорядитесь от моего имени, чтобы под каждый станок поставили ящики с сетками.

На следующий день в мастерской вывесили небольшое об'явление:

«Токарю Семену Гришину об'является благодарность за предложенный способ обработки матриц к прессам и за способ использования обработанного масла на токарном станке. Хозяйственной части, впредь до выяснения точной экономии от предложений т. Гришина, предлагаю выдать последнему авансом компенсацию, в размере месячного заработка.

Директор завода, инженер Новиков».

Смущенный и радостный слушал Сенька поздравления товарищей по работе. С тех пор за Сенькой прочно укрепилось прозвище «изобретатель».

Н. Стрекопытов.

Кусочек истории

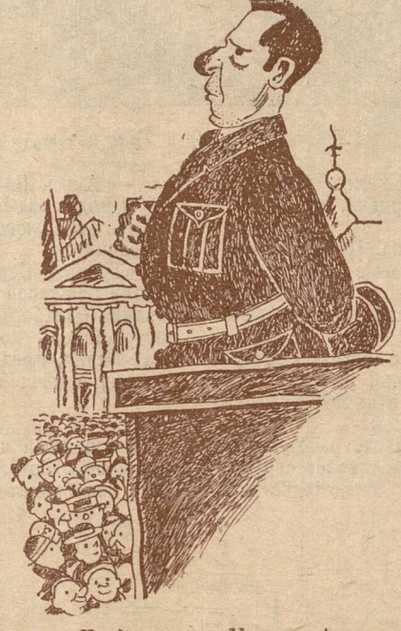
(12 лет Февральской революции).

Рис. А. Лесного.

Бежала с фронта солдатня,
Из грязи, крови, из огня,
Из лап палаческой войны,
К родимым хатам, в глубь страны.
Стихает пушек подлый лай.
Притих под стражей Николай.
Министры под замком сидят.
Толпы народные гудят.
Под взмахом мощным их метлы
Ниц кувыркаются орлы.
Свобода! Гниль былого крой...
Нет, стой... родился новый строй.
Эй, чем ты пахнешь, кто таков?
Родзянко, Львов, да Милюков.
Капиталисты... вот те на...
И говорят: опять война.

Домой не стоит уходить,
Ребята! надо погодить,—
Министры ласково поют,
Винтовки вежливо суют
И обещают тьму наград,
Шлют на Берлин и на Царьград.
Заводы, фабрики — для нас,
Смиренье, труд, война—для вас.
Свобода, братцы, хоть куда...
Вы—граждане, мы—господа.
Но разбегаются полки,
Но в землю тычутся штыки,
Но флаги красные пестрят,
Но гнезда барские горят...
Но фронт редеет боевой...
Тфу, дьявол... хоть ты волком вой!
Министров смена началась,
Один... другой... не крепнет власть.
Народ бушует, он все злей,
Ожесточенней и смелей.
О наступленьи им твердят,
Земли давай,—в ответ гудят.
Министры говорят: — Вперед!
— Долой, долой! — кричит народ.
Все разгорается пожар...
Решили бросить пробный шар...
Премьером сделали шута...
Должны Керенского уста
Народа страсти охладить,
Солдат в окопы посадить.
Вот на трибуну вылез он...
Гляди, совсем Наполеон!
Под зад ручонки, взгляд суров...
Откель ты, Саша? Будь здоров.
Разлился Сашенька рекой
Под лобик глазки, жест рукой.
В нос кокаинчику заряд...
В секунду двести слов под ряд.
День ото дня наглеет шкет,
Подносят дамочки букет,
Венки купцы ему плетут...
В постели царской млеет шут.
Ревут заводские гудки...
Стрельба... пришли большевики.
Сверкают Смольного глаза.
Там вызов грозный, там гроза...
Набат в деревне, тут пальба.
Ну, паразиты, вам—труба!
Сидят министры во дворце,
Ударниц свора на крыльце.
Не усидел Наполеон
Под сенью дамских панталон.
Ура! «Аврора» подошла
И грозным выстрелом смела
Остатки черной саранчи.
Катитесь к чорту, трепачи!
А там, наследье черных снов—
Каледин, Дутов и Краснов,
Корнилов, рой офицерья—
Собранье хлама и старья.

Гляди, совсем Наполеон!

Колчак—без флота адмирал —
Сибирь, Урал к рукам прибрал.
Нам Миллер с севера грозит,
Деникин с юга егозит....
Там батек свора поднялась,
И битва с ними началась.
Рванули красные полки,
Пошли, как туча, на штыки.
Пошли, отвагою горя,
В огонь за дело Октября.
Эх, закурилась в поле пыль,
Степной колышется ковыль.
Кругом бандитами полно...
Гуляют Лыхо и Махно.
Лови момент, руби, да жги,
А бьют самих,—к свиньям беги

Бандиты прут со всех сторон.
Как стан черные ворон...
Прет оголтелая шпана...
Сыпняк, разруха и война.
Стальная Тула, не зевай,
Снарядов, пуль, давай, давай!
Эй, поднажмите, горняки!
Эй, не жалейте, обушки!
Эй, нажимайте же всерьез:
Голодный воет паровоз,
Скоре просит жрать завод...
Еще один проходит год.
Ну, как, Антанта, поживаешь,
Что ж банды плохо ты снабжаешь?
Бежит шпана, трещат фронты.
Тю, тю! Во, дали ла-та-ты!
Рванули красные полки...
Ура! Бери собак в штыки!
Гони! Дышать им не давай,
За горы, в море выбивай!
Эй, нажимай, ребята, строй!
Строгай, сверли, пили и рой!..
По всей стране, и там и тут,
Заводы, фабрики растут
Врагов напор отбит и смят,
Заводы весело дымят.
Кипят Союза все углы,
И иностранные послы,
Хоть очень тошно им и гадко,
Явились к нам с улыбкой сладкой.

В. Питерский.

Издатель—газета „Коммунар". Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Тулгублит № 372. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 72. Тираж — 4250 экз.